

Ю Цун бросил взгляд на заходящее солнце и снова погрузился в раздумья.

С древности и доныне у реформаторов редко бывал хороший конец.

Почему же?

Такие люди, как Чжан Цюйчжэн или Ван Аньши, судя по всему, затронули чьё-то имущество и интересы, за что и подверглись жестокой мести.

Он цокнул языком и начал радоваться тому, что он — император.

Если бы подобные реформы были направлены на благополучие каждого простолюдина, повышение среднего уровня производительности, рост доходов и уровня жизни каждого человека, сопротивление оказалось бы куда меньшим.

Именно поэтому зачистка поместий в последние годы прошла относительно гладко: в конце концов, членов императорской семьи мало, а простолюдинов много, и даже чиновники как гражданские, так и военные рукоплескали этому.

У тех бедных родственников власть была отобрана без остатка, а находящиеся в их руках войска строго контролировались, так что они, естественно, не смели пикнуть, хотя и затаили злобу.

Однако каждая последующая реформа, боюсь, будет напоминать хождение по минному полю на бирманской границе.

Не ровен час, в какой-нибудь день подорвешься на mine и останешься с носом.

Подумав об этом, Ю Цун невольно горько усмехнулся.

Для него всё это было сродни иллюзорному сну.

Причина, по которой он после переселения не стал плыть по течению и прозябать дни, а задумал пути реформирования государственного управления, заключалась лишь в надежде, что будущее Китая станет чуть лучше.

Опиумные войны, неравноправные договоры, да и Альянс восьми держав со всеми прочими... катитесь-ка вы к чёрту!

— Верно, а те подробные своды дворцовых правил, во всех ли дворцах переписали по экземпляру?

Вспомнив о чём-то, он снова поднял брови и посмотрел на Лу Бина.

Женщины и дети во дворецких покоях издревле сидели без дела, а теперь, получив императорский указ, они обрели в своей жизни нечто новое, чтобы скрасить досуг.

— Другие евнухи сказывали, что во всех дворцах и палатах их уже okayмили и вывесили, — ответил Лу Бин. — Некоторые госпожи даже лично по несколько раз всё растолковывали старшим горничным и служанкам, опасаясь, что где-то проявят недостаточно внимания.

Ю Цун чуть изогнул губы, и на сердце у него на мгновение полегчало.

Впоследствии нужно будет почаще навещать этих ребятишек, тщательно заботиться о них и сопровождать, пока они растут.

Если говорить о том, что способно дать новорождённому наибольший иммунитет, так это, безусловно, материнское молозиво.

К сожалению, нынешние женщины не учились грамоте, а детей целиком сбывают с рук тем кормилицам, чье состояние здоровья неведомо.

В эту эпоху не купишь фолиевую кислоту с витамином D, остается лишь распорядиться, чтобы впредь при готовке императорских трапез кормилицам августейшего потомства подавали побольше шпината, яичных желтков и молока.

Ему так и хотелось вытащить их всех на солнце, попросить какого-нибудь евнуха понукать их делать шаги поактивнее и выпускать наружу по меньшей мере на полдня, прежде чем возвращать обратно.

Чем больше Ю Цун размышлял об этом, тем сильнее досадовал, постукивая костяшками пальцев по столу.

Внезапно о чём-то вспомнив, он нахмурился и посмотрел на Лу Бина.

— А женщины вне дворца... бинтуют ноги?

Лу Бин никак не ожидал, что император задаст столь неожиданный вопрос, и несколько замялся.

Женские ножки — где ж ему было их видеть...

По идее, он должен был жениться и обзавестись детьми еще лет в пятнадцать-шестнадцать, но

близкие родственники в его семье один за другим уходили в мир иной в последние годы, и ему предстояло соблюдать траур целый год.

Ю Цун приподнял бровь, явно не желая больше ждать:

— М?

— Говорят, в некоторых богатых семьях бинтуют, — медленно произнес Лу Бин. Его голос обладал легкой шероховатой текстурой, отчего на душе становилось даже приятно. — В столице это вошло в моду лишь в последние годы, пока еще не так повсеместно.

Значит, все-таки бинтуют... Хорошо хоть, что не повсеместно.

Ю Цун на мгновение замер, подумав: ну ладно, завтра на утреннем докладе придется навести порядок.

Стоило ему представить эту темную массу людей, коленопреклоненную внутри и снаружи залов и даже на площади, как ему становилось немного не по себе.

Однако не по себе — не значит робеть. Нельзя отступать.

Стоит ему спасовать, как эта бестолковая мода начнет постепенно распространяться, калеча все новых еще не вышедших замуж девочек.

Обычай бинтования ног необходимо искоренить.

К счастью, он стал намного моложе, вернувшись к возрасту чуть за двадцать. Ю Цун опустил взгляд и улыбнулся, чувствуя себя гораздо увереннее.

Когда дела делаются одно за другим, а идеалы воплощаются понемногу, всегда появляется надежда.

Лу Бин затаив дыхание ждал приказаний, как вдруг заметил, что император снова улыбается.

Ныне он облачен в драгоценную императорскую мантию и корону, его осадка величественна и необыкновенна, но когда он улыбается, то по-прежнему похож на того юношу, что когда-то задира подбородок и звал его старшим братом, обнажая два маленьких клыка.

Ю Цун явно тоже осознал это, поджал губки и, шумно и наигранно кашлянув, попытался принять серьезный вид.

Лу Бин благоразумно опустил голову, продолжая служить тихим деревянным столбом.

Хотя покойный правитель происходил из удельных князей и унаследовал трон, едва ступив во дворец, он усердно и самоотверженно трудился, стараясь во всем равняться на Основателя.

В те времена Чжу Юаньчжан поднимался на утренний доклад чуть ли не в четыре часа утра, и этот пятнадцатилетний юный император последовал его примеру, словно трудоголик, перенеся начало работы на еще более раннее время.

Он поднимался в четыре, а сановникам приходилось вставать в три. Прибыв ко двору, они должны были выстраиваться в очередь у левых и правых ворот Еймэнь, затем вновь проходить сверчку по чинам и рангам к югу от моста Цзиньшуй и под звуки сигнальных хлыстов медленно продвигаться вглубь — скорость движения ничуть не уступала очереди на досмотр в период новогодней миграции.

Прошло пять лет, и на шестой год правления Цзяцзин кто-то наконец не выдержал.

Император, конечно, стремится к мудрому правлению, но не грозит ли пресвятому телу чрезмерное утомление?

Толпа гражданских чиновников и без того отличалась слабым здоровьем, а от долгих мытарств они уже всю выли и жаловались, так что оставалось лишь молить императора о пощаде.

Слабое нынче пошло поколение.

Хотя в душе император презирал их, он все же проявил великодушие и удовлетворил просьбу: впредь он будет спать на полчаса дольше, время начала работы устанавливается по рассвету, а в дни сильного ветра и метели и вовсе объявляется выходной, дабы не заморозить до болезней пару сотен сановников на площади.

Хотя нынешний Ю Цун еще не до конца освоил все дела, находившийся при нем евнух Хуан Цзинь был толковым и умелым стариком, способным во всем подсобить и помочь.

Едва наступало время вставать, в полог занавесок подавали горячее полотенце. Стоило дважды протереть лицо, как в голове прояснялось, а по всему телу разливалось приятное тепло.

И хотя выход к двору назначался на рассвете, подъем все еще проходил в предрассветном сумраке.

В окружении свиты Ю Цун в паланкине отправился к воротам Фэнтяньмэнь и неторопливо занял место на золотом возвышении.

Отсюда открывался прекрасный вид: можно было не только наблюдать за чуть поднимающимся солнцем, но и охватить взглядом два длинных ряда чиновников на императорской дороге.

По бокам от золотого возвышения располагались музыканты Приказа колокольной музыки, а неподалеку для демонстрации императорского величия выставлялись парадные доспехи династии Мин.

Император бросил взгляд влево и вправо на пять-шесть человек охраны с опахалами и зонтами-навершиями, а затем окинул взором стоящих по обе стороны императорской дороги алебардщиков с мечами в руках — у него возникло довольно абсурдное ощущение, будто он участвует в какой-то театральной постановке.

Как же хочется зевнуть.

Всего три-четыре дня назад он сидел ночами напролет, сочиняя черновики и рассчитывая данные, а сегодня вот очутился во дворце, где спокойно заседает в качестве императора.

— На - а - сись! — зычно провозгласил церемониймейстер Канцелярии по делам дипломатов.

В следующее мгновение гражданские и военные чины медленно двинулись вдоль императорской дороги: гражданские двигались с севера на запад, а военные — с севера на восток. Толпа заново выстроилась в ряды наподобие каре, и под повторный окрик чиновника Канцелярии по делам дипломатов все разом совершили обряд поклона: трижды опустили на колени и девять раз ударили челом.

Стройно так, прямо как на уроке утренней гимнастики.

Убедившись, что все чиновники поднялись, чиновник Канцелярии по делам дипломатов по заранее составленному накануне порядку начал по очереди вызывать тех, кому положено подавать доклады. Представители различных ведомств по одному с легким кашлем выходили из строя и громко зачитывали содержание меморандумов.

Тем чиновникам, у кого туго было с общегосударственным языком, приходилось зачитывать тексты через помощников из Канцелярии по делам дипломатов.

Ю Цун превозмогал сонливость и слушал от начала до конца, а посреди доклада даже успел вздремнуть, но никто этого не заметил.

Да даже если бы и заметили, никто не смел бы ему ничего сделать.

Древнекитайский язык всегда отличался иносказательностью и туманностью, и даже после того, как в свое время Основатель разгневался и провел реформу стиля письма, ситуация не

сильно улучшилась.

Лишь когда солнце поднялось высоко, черед докладчиков наконец подошла к концу.

Ю Цун пригубил горячего белого чая из Эмэя и, глядя на последнего министра, зачитывавшего меморандум, невзначай спросил:

— Статья написана неплохо, как тебя зовут?

Он смутно припоминал, что этот человек вроде бы является ректором Гоцзицзяня?

На вид этому молодому человеку было около двадцати семи-восьми лет, у него были не только красивые черты лица и чистый, приятный голос, но и составленный доклад, излагающий дела предельно ясно, что позволяло слушать его без малейшего утомления.

— Докладываю Вашему Величеству, имя ваше покорного слуги — Сюй Цзе, — почтительно произнес молодой человек.

Император чуть не выплюнул глоток чая и сильно закашлялся от резкого першения в горле.

— Сюй... Сюй Цзе?!

Молодой ректор Гоцзицзяня еще не понимал, почему император так изумлен, но инстинкт подсказывал ему: сейчас лучше ни о чем не расспрашивать, а затаив дыхание и сосредоточившись, наблюдать за развитием событий.

Зато находившиеся рядом евнухи и слуги при виде реакции императора невольно окинули Сюй Цзе новыми взглядами, приняв его за какую-то важную персону.

На самом деле Ю Цзе поразил вовсе не сам Сюй Цзе, а его возраст.

Будущий Сюй Цзе станет свидетелем борьбы между Ся Янем и Янь Суном, а затем, выждав несколько десятилетий, единым махом сокрушит того великого сановника-злодея.

Первый великий секретарь династии Мин Чжан Цюйчжэн — его самый гордый ученик. Если бы не противостояние и грызня между Сюй Цзе и кликой Яня, Чжан Цюйчжэн не так быстро постиг бы политические коварства и стремительно вырос из неразумного книжника, обучившись искусству управления человеческими умами.

Но... раз уж Сюй Цзе в эту пору еще так молод и неизвестен, то Чжан Цюйчжэн и вовсе наверняка пребывает в пленках и, пожалуй, даже не умеет звать отца.

Ю Цун вздохнул, велел ему пока ступать и мысленно сделал очередную пометку.

Если рассуждать так, то нынешняя ситуация напоминает положение, когда Танский монах все еще сидит в городе Чанъань и даже не встретил царя обезьян.

Ранее он справлялся у Лу Бина и выяснил, что Янь Суна в столице и в помине нет, из-за чего его жажда убийства осталась неудовлетворенной, и ему пришлось с досадой оставить эту затею.

После завершения утреннего доклада были поданы списки с именами более чем трех тысяч праздных лиц.

Согласно требованию Ю Цуна, те из них, кто отличался красноречием, умел читать и писать, были выделены в отдельную группу.

Людей, сведущих в земледелии и умеющих разводить скот, определили во вторую группу.

Тех же, кто владел странными и хитрыми ремеслами, занесли в резервный каталог.

К счастью, среди этих трех тысяч человек действительно нашлись те, кто искусно умел упорядочивать и составлять каталоги; мало того, что работа шла довольно быстро, так еще и почерк оказался на редкость аккуратным и удовлетворительным.

Ю Цун отдал приказ дворцовым служанкам впредь ежедневно подбирать разные сорта чая и, изучая имена и описания в списках, велел Хуан Цзиню позвать Чжан Цуна и Ся Яня.

Вскоре оба сановника в спешном порядке прибыли во дворец с самыми разными выражениями лиц на лицах.

— Как министры обсудили создание Цзинбу? — он приподнял брови, окинул их беглым взглядом и неторопливо произнес.

Чжан Цун на мгновение задумался, вновь поклонился и ответил:

— По мнению вашего слуги, это дело требует обстоятельного обсуждения.

— Почему?

— С точки зрения норм ритуала это не вполне уместно, — подхватил Ся Янь. — Во все века...

— Ну и что с того, что прошли века? — в свою очередь спросил Ю Цун. — Чиновник Чжан и сам

видит, что ныне избыточных чиновников и ненужных должностей бесчисленное множество. Не лучше ли дальше оптимизировать бюрократический аппарат и повысить административную эффективность?

Еще во время утреннего доклада он думал о том, что если поручить аграрную реформу исключительно тем людям из Ведомства отвода земель при Министерстве общественных работ, то отдача будет вдвое меньше при втрое больших усилиях.

Жаль только, что мозги этих старых сановников безнадежно испорчены конфуцианскими канонами и они трепещут перед любым делом.

— Ваш слуга понимает намерения императора, но вот вся масса гражданских и военных сановников... — с трепетом произнес Чжан Цун. — Боюсь, добиться их повиновения будет трудно.

Ю Цун постучал костяшками пальцев по спинке кресла и, внезапно вспомнив, что эти двое вряд ли заставят остальных замолчать, взмахнул рукавом:

— Совещание!

По сравнению с западными круглыми столами и системой заседаний верхней и нижней палат, в политической системе древнего Китая на самом деле тоже существовали институты «общих совещаний» и «придворных прений».

Однако эти собрания, зародившись при Западной Хань, к эпохе Мин выродились в пустую формальность среди чиновников и не имели сколь-нибудь реального применения.

Институт общего совещания обычно сводился к тому, что главный министр созывал сановников на совет, а затем докладывал о принятом решении императору.

— Если созывать совещания на утренних докладах, то, боюсь, прежде чем сановники успеют доспорить до какого-либо результата, толпа мелких чиновников снаружи насмерть замерзнет на площади.

Поразмыслив так и этак, император велел евнуху Хуану подыскать помещение побольше, сдвинуть в ряд длинные столы, поставить во главе трон и приготовить судейский брусok.

У него было предчувствие, что если сейчас начнется грызня, то воцарится невообразимый хаос.

Шесть министров и академики Внутреннего кабинета собрались в зале. Дождавшись, пока Ю Цун взмахом рукава разрешит им подняться, они стали переглядываться и с некоторым испугом усаживаться на места.

Ю Цун сидел на драконьем троне и наблюдал, как за этими длинными столами без табличек с именами они выбирают себе места.

Расположение этих мест и выражение лиц каждого сановника многое собой олицетворяли.

Лу Бина позвали встать по правую руку от императора с мечом у пояса, лицо его было сурово и сосредоточено.

Среди взаимных расшаркиваний пожилых людей один седовласый старец с невозмутимым видом отвесил легкий полупоклон, после чего спокойно уселся на самое первое место по правую руку от императора.

Это был... первый великий секретарь и одновременно министр Министерства обороны Ян Ицин.

Ю Цун бросил на него взгляд, подумав, что тот и впрямь похож на старого лиса.

Этот старик был намного старше Чжан Цуна, выглядел чрезвычайно утонченным, хранил молчание, но в истории он пережил трех императоров и лично спланировал операцию по устранению тогдашнего всесильного евнуха Лю Цзиня, спасши династию Мин от гибели.

Хотя морщины на лице старика покрывали его глубокими бороздами, он по-прежнему был бодр и полон сил, а в глазах мерцал огонек.

Ю Цун отпил чаю и, следя за тем, как кучка людей наконец уселась, очистил горло и произнес:

— Отныне Я буду время от времени проводить общие совещания: во-первых, чтобы узнавать о настроениях в народе и положении дел с претворением в жизнь государственной политики, а во-вторых — оглашать указы и обсуждать их вместе с вами, господа.

Глаза Ян Ицина сузились, выразив долю одобрения.

— Вести эти заседания впредь буду Я. Всякий, кто желает высказаться, должен поднять руку в знак намерения и, получив Мое согласие, встать для речи, — дойдя до этого места, Ю Цун поймал себя на мысли, что ведет себя словно староста в старших классах, говорящий строго по протоколу, но все же с серьезным выражением лица добавил: — Во время совещаний запрещается перекладывать ответственность друг на друга и нападать на оппонентов, а также вести разговоры на посторонние темы — нарушители будут наказаны двадцатью ударами палок разной степени тяжести.

Раз уж речь идет об автократии монарха, излишняя демократия ни к чему.

Он — император этой империи и погонщик в грядущих преобразованиях, а им надлежит лишь следовать за ним шаг в шаг.

Десяток с лишним сановников переглянулись и в один голос ответили согласием.

— Отлично, — с прохладной улыбкой произнес Ю Цун. — Чжан-цинъ, изволь первым объяснить суть создания этих новых семи ведомств.

Чжан Цун на мгновение замер, поспешно поднялся, сложил руки в поклоне и, хотя говорил чуть запинаясь, все же подробно изложил все то, о чем прежде наставлял его император.

Стоило ему заговорить, как выражения лиц остальных сановников начали меняться один за другим, словно в калейдоскопе. Еще до того, как Чжан Цун закончил речь, некоторые явно вознамерились ударить кулаком по столу и начать с ним ожесточенный спор.

Ю Цун с улыбкой наблюдал за тем, как они сдерживаются, желая высказаться. Стоило Чжан Цуну сделать паузу, как семь-восемь рук взметнулись вверх.

— Чжан-цинъ, присядь, — Ю Цун опустил фарфоровую чашку с трещинами и неторопливо продолжил: — Прежде чем уважаемые подданные изложат свои соображения, У Меня есть что сказать.

— Отныне стратегией государственного управления провозглашается «возрождение страны через промышленность и производство».

Он медленно поднялся, и его юношеская фигура излучала внушающую трепет решимость, а тон был твердым и бескомпромиссным.

— Я знаю, что во все прошлые династии превозносились нормы ритуала и почиталось конфуцианство.

— Ритуал и конфуцианские заветы нельзя забрасывать, но и практические дела запускать тоже нельзя, — Ю Цун усилил нажим в голосе, глядя на присутствующих без малейшего страха: — Слепая погоня за словесностью, стихами и правилами приличия не способна отразить набеги татарских варваров, не может обуздать наводнения и горные пожары, а также не дает средств для обеспечения благосостояния простого народа и процветания Поднебесной.

Как только эти слова слетели с его губ, даже до сей поры невозмутимый Ян Ицин изменился в лице. Чиновники сдерживали рвущееся наружу желание шушукаться, но из-за давления императора и угрозы палочных ударов никто не смел высунуться и навлечь на себя порку.

— Для каждого из вас на столах уже приготовлены бумага и кисти. Содержание этого совещания прошу подробно законспектировать, после чего составить отчет-размышление: один

экземпляр отправить наверх, а второй зачитать внизу, — Ю Цун опирался обеими руками на длинный стол из красного дерева и неторопливо продолжал: — Главнейший смысл возрождения страны через промышленность заключается в подъеме сельского хозяйства. Это и есть главная тема сегодняшнего совещания: учреждение Палаты классических текстов и создание при ней четырех управ — земледелия, торговли, финансов и товарооборота — с упором на развитие соответствующих отраслей.

— Что из сказанного о возрождении промышленности через реальное дело вызывает у вас вопросы?

В сущности, будучи самозванным императором, он сейчас не узнавал в лицо большую часть собравшихся.

Помимо Чжан Цуна и Ян Ицина, чью принадлежность к этому имени нельзя было спутать, остальные академики и министры не вызывали у него никаких ассоциаций с прочитанными им в прошлом историческими трудами.

Будучи обычным человеком из современности, Ю Цун на самом деле не смыслил ни в изготовлении пороха и пистолетов, ни в химических формулах удобрений или биогаза. Зато в его распоряжении имелись более широкий и передовой кругозор, а также ужасающие воспоминания о том, как его муштровали по учебникам общественно-политических дисциплин...

Не говоря уже о концепции научного развития, благодаря натаскиванию в рамках системы экзаменов он помнил не только социалистические основные ценности, но даже восемь почестей и восемь позоров.

Хотя сейчас не получится сразу учредить Всекитайское собрание народных представителей или построить какую-нибудь демократическую систему гарантии прав человека, одно оставалось непреложным.

Сельское хозяйство — это основа нынешней Великой империи Мин.

Почему в династиях Мин и Цин в Китае слепо следовали политике «опоры на земледелие и ограничения торговли»?

Потому что главные поступления в государственную казну обеспечивались за счет земельного налога.

Если производительность в сельском хозяйстве не поднимется, у торговцев не окажется товаров для накопления и не будет возможности вести обмен.

Если хочешь переломить ситуацию, если хочешь занять эту страну процветанием, необходимо

уделять первостепенное внимание великому делу земледелия сотен миллионов людей.

— По мнению вашего слуги, это сущее ниспровержение заветов предков, и принимать подобное нельзя! — с болью в сердце и мрачным видом произнес один из академиков, получив от него позволение говорить. — Книжность, ритуал и законы — это корень государства, и их нельзя расшатывать!

Выходит, сочинение стихов поможет простолюдинам съесть лишнюю плошку зерна, или же создаст дополнительные рабочие места, или укажет паре-тройке бродяг путь к спасению?

Ю Цун уставился на того академика с козлиной бородкой, который изъяснялся исключительно на литературном языке, помолчал мгновение и произнес:

— То, что вы хотите сказать: этот шаг беспрецедентен, а потому недопустим, или же вы боитесь, что стихотворство и книжность отныне утратят свое положение?

Упомянутый академик с козлиной бородкой надолго замер, оглядел хранивших молчание сослуживцев и неуверенно произнес:

— Установления предков... Установления предков!

— Установления предков? — приподнял бровь Ю Цун. — Тогда Я спрошу вас: переход от системы уделов и уездов к нынешней системе провинций — разве это не нарушение заветов предков? Разве это не оскорбление памяти прежних императоров?

— Во времена династии Шан существовало три высших сановника и девять министров, ныне же у нас три ведомства и шесть министерств — разве это не разрушение норм ритуала и законов, не пренебрежение порядком?

Как только прозвучали эти слова, те из сановников, кто только что порывался вскочить и вступить в спор, вмиг оказались приперты к стенке.

Раз уж вы все так жаждете рассуждать о принципах, давайте обратимся к чистой логике.

Монах Ю Цун обладал ясным умом и понимал: они не заостенели в своем невежестве, просто их образ мышления скован рамками старых представлений.

Он с поистине ангельским терпением жестом велел тому министру присесть и спокойно продолжил:

— Реформа — это вовсе не ругательство.

Хорошие преобразования требуют долгосрочного планирования и дальновидного взгляда.

Дойдя до этого места, он вдруг умолк: в его голове забрезжила смелая идея.

Быть может, и вправду стоит претворить в жизнь концепцию научного развития и разработать для Великой империи Мин пятилетний план?

Сказав всё это в общих чертах, император постучал по столу, давая знак начать пятиминутное свободное обсуждение.

Лу Бин послушно водрузил курильницу по правую руку от него, а Ю Цун, прихлёбывая чай, принялся рассматривать судейский брусок — что он вообще из себя представляет.

Изначально он упомянул его вскользь, но евнухи и впрямь раздобыли где-то эту вещь.

<http://bllate.org/book/20063/1984646>